

*Благородный пансион
Императорского
Царскосельского Лицея
1814–1829*

При приёме воспитанников в Императорский Царскосельский Лицей обнаружился различный уровень знаний учеников, принятых в один класс. Чтобы разрешить эту проблему, решено было создать при Лицее особое приготовительное учебное заведение, которое помогло бы приобрести учащимся знания, необходимые для обучения в Лицее, и таким образом постоянно обеспечивало бы Лицей «отличнейшими воспитанниками». Кроме того, появление ещё одного учебного заведения доставило бы русскому дворянству новое средство воспитания и образования детей.

В июле 1812 г. министр народного просвещения граф А.К. Разумовский предоставил императору Александру I доклад об учреждении в Царском Селе Благородного пансиона Императорского Царскосельского Лицея. Открытие нового учебного заведения состоялось 27 января 1814 года.

Пансион называли «младшим братом Лицея». Оба учебных заведения были неразрывно связаны друг с другом. Директором пансиона назначался один из лицейских профессоров, учителями были лицейские преподаватели, учебный план и предметы мало чем отличались от преподаваемых в Лицее.

Воспитанники пансиона были разделены на три возраста: младший, средний и старший. При приёме в пансион ученика младшего возраста знаний от него не требовалось, потому что учение в пансионе начиналось с самых первых оснований. В младших классах пансион готовил для поступления в Лицей, в старших — был высшей школой наравне с Лицеем. Через каждые три года лучшие воспитанники из 2-го и 3-го классов переходили в Лицей, остальные же учащиеся продолжали обучение в пансионе. Из 275 учеников пансиона 131 был переведён в Лицей. Окончившие пансион пользовались одинаковыми правами с лицейскими при поступлении в военную службу. Выходившие же в гражданскую службу получали при высших баллах только X класс, тогда как лучшим из лицейцев выдавался аттестат с правом на чин IX класса. В отличие от Лицея обучение в пансионе производилось не за государственный счёт, а за счёт родителей.

15 января 1829 года оба учебных заведения посетил император Николай I, оставшийся недовольным состоянием пансиона. В письме к начальнику Лицея цесаревичу Константину он писал: «Мне кажется, что цель этих двух учреждений начинают терять из виду. Первоначально они были предназначены — первое для приготовления учеников ко второму, а это последнее — для приготовления молодых людей в государственную службу, что весьма существенно и в чём мы терпим недостаток; с тех пор то, что только было терпимо, сделалось любимой карьерой, и большинство молодёжи предпочитает военную службу, что и естественно. Пансион, вместо того чтобы исключительно готовить воспитанников Лицею, содержит их в шесть раз больше и сделался жалким дубликатом Лицея, имея его недостатки и никаких достоинств». Последствия этого посещения

сказались весьма скоро: 23 февраля 1829 года было объявлено Высочайшее повеление — состоящий при Императорском Лицее Благородный пансион упразднить.

За 15 лет существования пансиона из него было произведено 11 выпусков.

Из 144 окончивших в нём курс в гражданскую службу поступило — 66 и в военную — 78. На служебном поприще из питомцев пансиона наиболее заметны были: генерал-адъютанты — А.П. Безак, А.П. Галахов, граф И.К. Ламберт, Д.В. Путята, И.С. Фролов; статс-секретари — Ф.П. Корнилов, Н.И. Лаубе, А.П. Суковкин; сенаторы — граф А.П. Голенищев-Кутузов, барон А.Ф. Гревениц, Н.П. Колобакин, В.Г. Черноглазов; генерал-лейтенанты — А.Ф. Ган, Х.В. Глухов, трое князей Голицыных, А.П. Самсонов, А.С. Чевати; тайные советники — А.Ф. Берг, барон А.Ф. Гревениц, Н.И. Павлищев, Е.К. Рашет, Ф.Т. Фан-дер-Флит.

Воспитанники навсегда сохранили самые тёплые воспоминания о пансионе.

В 1869 году вышла в свет книга «Благородный пансион Императорского Царскосельского Лицея. 1815–1829» без указания автора. Один из первых историков Лицея Я.К. Грот назвал имя автора — Николай Сергеевич Голицын, воспитанник VII курса лицейского пансиона, окончивший учебное заведение в 1825 году с серебряной медалью.

Думается, что помещённые здесь отрывки из книги вызовут интерес у всех, кто интересуется Лицеем, историей отечественного образования и любителей старины.

Несколько слов об авторе книги: князь Николай Сергеевич Голицын (1809–1892), генерал от инфантерии. Принимал участие в войнах 1828–1829 и 1830–1831 гг. и Крымской войне. Был директором Училища правоведения и профессором Николаевской академии Генерального штаба. Член военно-учёного комитета Генерального штаба. Известный военный историк. Капитальный плод его многолетних трудов — «Всеобщая военная история» (СПб., 1872–1878). За описание походов и войн Густава Адольфа был избран в члены Шведской академии. В течение нескольких лет редактировал газету «Русский инвалид», а также различные издания Главного штаба.

Светлана Павлова

Внутренний мир друзей Пансиона

Николай Голицын

*Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир суровика,
Отчество нам Царское Село.*

*А.С. Пушкин
19 октября 1825 года*

Всё или почти всё, что нужно и можно сказать о начале, истории, устройстве, управлении, состоянии и конце Благородного Пансиона Царскосельского Лицея — сказано. Остаётся изобразить картину или, по крайней мере, хоть лёгкий очерк того, что не подлежит официальному повествованию, но может

быть известно только тем, которые сами были в том живыми деятелями и участниками, а именно — внутренней жизни Пансиона. Небезынтересно по прошествии столь долгого времени возобновить в памяти эту школьную жизнь в разных её видах и с разными её особенностями, в стенах родной шко-

лы, да ещё в таком месте, как Царское Село, и с такою обстановкой, в какую был поставлен Лицейский Пансион...

...Обращаясь к изображению внутренней жизни собственно Лицейского Пансиона, в его стенах, в Цар-

ском Селе, полагаю, что её лучше всего проследить по порядку времён года, начиная с осени, присоединив к ней последний летний, но первый в учебном году Пансиона месяц август, с которого ежегодно обычно чредой возобновлялась жизнь Пансиона.

1. Осень

(август — сентябрь — октябрь — ноябрь)

*Рождет лес багряный свой убор;
Сребрит мороз увянувшие поля;
Промедляет день как будто поневоле,
И скроется за край октябрьский соф.*

А.С. Пушкин

19 октября 1825 170 года

Ещё месяца за два до наступления изображённой здесь глубокой осени, к 1 августа, на большой почтовой шоссеиной дороге из Петербурга и Москвы, вдоль большого сада возникало особенное движение. С обеих сторон, в собственных и наёмных экипажах разного рода, или в дилижансах, с родителями, родственниками или провожатыми, с чемоданами, узлами и непременными домашними гостинцами, с разных концов России, собирались в Пансион его малые и большие питомцы. У парадного подъезда Пансиона происходил съезд экипажей, как в театры, из экипажей выходили воспитанники, выносили пожитки, происходили прощания — и раскрытые двери швейцарской поглощали всё новые и новые толпы приезжавших... Тяжелы были первые дни для воротившихся с каникул в домашнем приволье, особенно для юнейших: грустно, даже невыносимо, бывало иным, и ни ученье не шло в голову, ни кушанье в горло, и даже игры не занимали. Но у молодёжи первые впечатления не продолжительны: перемена и новость положения, съезд товарищей из разных мест России, у каждого свои рассказы, а таких было всегда немало — всё это служило развлечением, и недели через две всё входило в свою обычную колею, как будто и каникул не бывало.

Сутки в Пансионе делились так: от 6 часов утра до 10 часов вечера, всего 16 часов — дневная деятельность, расписанная по часам, с 10 часов вечера до 6 часов следующего утра — сон.

В августе солнце в Петербурге встаёт в начале в 5-м, а в конце в 6-м часу, — следовательно, прежде пробуждения Пансионского улья. В спальнях внизу и сверху — всё спит молодым крепким утренним сном. Внизу при входе в спальню младших классов, налево дверь ровно в 6 часов полуотворяется и из-за неё показывается человеческая фигура в ночном шлафроке и ночном колпаке. Это — почтенный инспектор Фёдор Евстафьевич Нумерс, имеющий свою спальню в преддверии и на страже спящего стана юнейших пансионеров, и ежедневно в 6 часов аккуратно, как хронометр, командующий: «Звони!» По этой команде дежурный дядька или сторож-инвалид, уже вооружённый колокольчиком — даром Валдая, немилосердно потрясает его по улицам и переулкам спален, и вдоль и поперёк. Дар Валдая в руках дядьки или сторожа хоть мёртвых расшевелит; но «спят себе живые, как мёртвые». Однако вслед за звонарём уже идут дневные дежурные гувернёры и будят ленивых на разных диалектах. «Вставайте!» — раздаётся во всех углах — и улей начинает пробуждаться; а не прошло и 1/4 часа — уже поднялись и шум, и движение, и перегатная трескотня до 100 молодых голосов, и началось великое переселение народов от спален к умывальникам-самоварам, и плесканье водой среди неумолкаемого говора. Заспавшихся поощряют перспективой сухоядения, т.е. оставления без чая — и волей-неволей расстаёт-

ся разоспавшийся и со сном, и с ночным ложем... Но — всему конец — и в 6 1/2 часов внизу и вверху раздаётся 2-й звон колокольный — на молитву. По этому звону... идёт вся масса в рекреационные залы, где в младших классах, покласно, один по очереди читает утренние молитвы по печатной книжке, а в старших классах для всех вместе в общей зале те же молитвы читает один из голосистых, большею частью из певчих басов. Прочтены молитвы — и по 3-му звонку начинается шествие вниз... Вошли в столовую, сели за свои столы — младшие классы по пересядке, и принялись за чай, кто с молоком, кто без молока, а кто и одно молоко, заедая белым хлебом, а иногда (когда накануне за ужином была каша с маслом) и бутербродами...

В 7 часов звонок — начало классов, и к старшим приходят профессора, к младшим учителя. В залах водворяется тишина, а из классов слышатся голоса или преподавателей, или отвечающих на их вопросы. Первые утренние уроки и лекции начинались чтением преподавателя одной главы Евангелия. Уроки и лекции были 2-часовые. В 9 часов звонок возвещал конец уроков и лекций, и рекреацию на 1 час, до 10 часов. Все толпой, с шумом валили из классов в залы, в галерею, в поле пред нею, где тотчас же учреждались игры, а охотники до прогулок отправлялись на парнас и в остаток сада у него. Но были и такие, которые рассыпались по всем углам в Пансионе и на его дворах, кто играть, кто шалить, а кто и промышлять, чем бы позавтракать или у гувернёров, или у семейных дядек.

Но вот раздаются звонки и на крыльце галерей, и из окон Пансиона, выходящих на двор и в поле. 10 часов — и конец играм и гулянью... От 10 до 12 часов — 2 часа уроки и лекции, и снова тишина в залах... А в классах (младших) на столе преподавателя лежит развёрзтою грозная книга судеб — классный журнал, в которой рукою преподавателя вписываются и добро, и зло, и награда, и кара — кому без одного последнего, кому без двух последних блюд, а кому и вовсе без обеда. Такова участь, постигающая обыкновенно или особенно способных, или особенно усердных к учению, либо невинно резвящихся в классе. Не есть даже одного блюда, а тем паче двух и трёх — горькая участь! Но ещё горше была она, если преступнику предоставлялось, стоя у среднего стола, наслаждаться лицезрением, как товарищи истребляли и первое, и второе, и третье блюдо!

Но вот наконец раздаётся желанный и радостный звонок — 12 часов, конец вторых уроков и лекций, и шествие к обеду, после которого 1 1/2 часа до

2 часов рекреация! Шумно и весело выходят все из классов и тем же порядком, что и поутру, отправляются в столовую. Вошли, стали по местам за своими столами, učinённый чтец из старших классов (также большею частью из певчих басов) громко читает молитву перед обедом — звонок — с шумом садится вся шестиклассная компания — и начинается обед. Двумя вереницами справа и слева несут служители по большой суповой чашке с супом к каждому классу, разливают, подают — и начинается общий громкий стук тарелок и ложек при общем говоре и шуме более 170 голосов и тонких, и толстых. Гувернёры обедают тут же на верхних концах столов своих классов, прогуливаясь в промежутках блонд вдоль своих столов для соблюдения порядка. В числе этих блондителей порядка особенное внимание обращает на себя человек довольно высокого роста и плотного сложения с добродушным лицом. На нём по тогдашнему обычаю белый галстук, серый фрак, чёрные панталоны и гусарские сапоги с кисточками. Это ветеран Пансиона Фотий Петрович Калинин, воспитатель, блондитель, хранитель и сберегатель преимущественно пичужек — так называл он обыкновенно маленьких, т.е. первоклассников и второклассников, иногда возвышаясь даже и до 3-го класса...

На дворе август — положим, синее небо, яркое солнце, тёплый воздух: окна в столовой раскрыты — и благо, иначе с 1-го же блюда было бы душно и жарко. Скорее, чем рассказывается, скушано 1-е блюдо — суп, за ним — 2-е — мясное и в заключение 3-е — пирожное, какие-нибудь «алады, посыпан сахар», как безграмотно писал буфетчик, — и конец трапезе.

Звонок — с криком разом все встают и отодвигают табуретки, чтец читает молитву после обеда, и младшие впереди, шумно валил ватага в галерею и в поле. Снова, как в 10-м часу утра, всё рассыпается, ходит, бегают, играет...

...В августе и сентябре в ясную, тёплую погоду случалось, что после обеда воспитанники ходили по классной с гувернёрами гулять в дворцовый сад и в окрестности Царского Села. Но это случалось чаще в воскресные и праздничные дни, нежели в недельные, в которые могло развлекать во вред учебным занятиям.

В 1 3/4 часа — звонки в классы; от 2 до 5 часов — по два урока и две лекции (3-й и 4-й); в 5 часов звонки к вечернему чаю, после которого было 1 1/2 часа рекреации, от 6 1/2 до 8 часов вечерние занятия, приготовительные к следующему дню: в младших классах так называемые репетиции или часы с репетицией, в классах под надзором дежур-

ных гувернёров, а в старших — по воле воспитанников, частью в классах, большею же частью каждого в своей спальне, также под надзором дежурных гувернёров...

Несколько слов о внутренней обстановке классных комнат.

Во всех классах было по одной большой чёрной доске на квадратном возвышении в одну ступень (исключая 6-го класса, в котором возвышения не было), с столом и стулом перед доскою на возвышении, и затем скамьи с наклонными перед ними досками для писания, с утверждёнными сверху оловянными чернильницами и с полкой внизу для тетрадей и книг. Скамьи на два человека в 1, 2, 3 и 4-м классах и на одного в 5-м и 6-м были крашены серой, а верхние доски их чёрной масляной краской...

Воспитанники старших классов ввечеру занимались, как уже сказано, большею частью в своих спальнях, а кто хотел — и в своих классах. Так как они пользовались большею свободою, нежели воспитанники младших классов, то и разнообразили свои келейные занятия по временам или хождением по коридору спален, или музыкальными занятиями некоторых дилетантов, особенно флейт-клавеснистов и кларнетистов, от которых чаще и больше всего приходилось терпеть занимавшимся делом соседям. Впрочем, прогулки по коридору, игра на флейтах и кларнетах, подчас оживлённый разговор или спор в одних спальнях не нарушали особенно общей тишины и порядка и не мешали занятиям: все более или менее к тому привыкли. К этому нужно ещё прибавить, что в хорошую и тёплую погоду, например в августе, иногда и в сентябре окна спален на улицу и двор и по концам коридора (полукруглые, венецианские), на шоссе к Петербургу и к Москве можно было отворять и наслаждаться и прелестию вечера, и видом сада, дороги и окрестностей и слушать неумолкаемый шум водопадов и крик лебедей в дворцовом саду или звон почтового колокольчика на прибывшем большою почтовою дорогою. Такие вечера при открытых окнах верхних спален имели необыкновенную прелесть.

Но вот — и внизу, и вверху раздаются звонки — 8 часов к ужину. Старшие сверху впереди, младшие из классов за ними отправляются в столовую, где тем же порядком, что и обед, происходит ужин, состоящий из двух блюд, и с конца августа уже при лампах. Вторым блюдом чаще всего бывала каша с коровьим маслом, которого каждому давалось по куску. Эти куски масла некоторые гастрономы предпочитали сохранять в стаканах с водою, наглу-

хо прикрытых чёрным хлебом и передаваемых слугам к утреннему чаю для потребления с белым хлебом в виде бутербродов. И замечательно, что на следующее утро все стаканы с маслом, не перемешиваясь, попадали на свои столы и тотчас без труда разбирались теми, кому принадлежали.

Ужин продолжается недолго; звонок — и все шли через галерею на большой двор, где смотря по времени года и месяца, если ещё не было слишком темно, тотчас же устраивались общие бары на два лагеря. В августе, в 1-й половине, в эту пору (8 1/2 — 9 1/2 часов) ещё не очень темно, и играть было можно; — но со 2-й половины уже становилось темно, и потому на двор уже не ходили, а шли в залы, где в большой старшие прогуливались по одному, по два или более взад и вперёд, а младшие классы в своих залах проводили последнюю рекреацию перед сном или в ходьбе, или в беганье, или в играх.

В 9 1/2 часов звонки звонили на молитву, которая читалась в старших и младших классах, как поутру, и затем старшие шли наверх, а младшие поклассно, 1-й класс впереди, вниз в свои спальни. Здесь начиналось раздевание, умыванье, укладыванье в постели, в младших классах при таком же говоре и шуме, как поутру, только постепенно слабевшим. Наконец в 10 часов лампы тушились и по всем коридорам на целую ночь зажигались жестяные ночники с салными свечами на воде. Ночные дежурные гувернёры и дядьки сменяли дневных, и в 10 часов Пансион погружался в сон...

Наверху гг. студенты, особенно 6-го класса, изволят ещё прогуливаться по два, по три и более по коридору в приятных разговорах, и наконец в 10 часов по усиленным просьбам дежурного ночного гувернёра (имевшего в самой середине свою особую спальню) расходятся по своим спальням и ложатся, но и лёжа в постелях продолжают ещё иногда по местам свои беседы. Но вскоре и здесь воцаряется тишина...

Кончился Пансионский день... проходит и сонная ночь, а на другой день с 6 часов утра опять тот же порядок.

Один за другим, один, как другой, неприметно прошли шесть дней недели, и наступило воскресенье. Этот день, как и все праздничные, в жизни Пансиона совершенно выходил из ряда недельных, рабочих. С утра воспитанники заняты более обыкновенного своим туалетом, начиная с перемены белья: одеваются, прибираются, приглаживаются, готовятся идти в свои церкви (православную, католическую, лютеранскую) к обедне, а потом гулять или в гости.

Католики и лютеране к 10 часам отправляются с гувернёрами своих исповеданий в Царскосельские церкви: римско-католическую и лютеранскую. Православные же идут поклассно с дежурными гувернёрами из Пансиона прямо через входные ворота — в соборную церковь Царскосельского дворца к обеду в 11 часов в Высочайшем присутствии Государя Императора Александра Павловича и Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны (во время их присутствия в Царском Селе)...

Воспитанники Пансиона по выходе из церкви весело возвращались в Пансион к обеду, а многие прямо из церкви расходились с дядьками по Царскому Селу к родителям, родственникам или знакомым. Таких всегда было довольно, и в Пансионе обедало одною четвертью, третью, а иногда и наполовину менее, нежели в обыкновенные дни. И обед по воскресеньям и праздникам был иной: блюд было четыре, и они были лучше и изысканнее недельных. А после обеда воспитанники вскоре отправлялись

гулять поклассно или особыми сборными компаниями с гувернёрами или в большой сад, или в окрестности Царского Села, или в Павловск. По вечерам же после вечернего чая по причине сокращения дней и ранних сумерек со 2-й половины августа такого рода прогулки уже не делались.

Но с октября оканчивались уже для пансионеров прогулки в Павловск и реже становились прогулки в Царскосельском саду, и то только по воскресным и праздничным дням, в хорошую погоду и после обеда...

В ноябре уже устанавливалась зима и санный путь, а иногда продолжалась осенняя, но временами очень бурная погода...

Между тем время идёт и решительно близится к настоящей зиме: снаружи либо грязь, либо снег, сыро, холодно, и днём пасмурно, а внутри в Пансионе давно уже вставлены зимние рамы, топят печи, в галерее сыро и холодно, воспитанники ходят через неё уже в шинелях...

2. Зима

(декабрь — январь — февраль)

*С белыми бороды власами
И с своего обрядом,
Потрясаю небесами,
Облака срываю ручкой...*

Г.Р. Державин

...А хорошо было в Царском Селе и в Пансионе и зимой, разумеется, если она была снежная и морозная, а дни стояли ясные. В Царском Селе, благодаря строгому блюстителю порядка и чистоты в нём главноуправлявшему им и его дворцовым правлением генерал-лейтенанту Захаржевскому (назначенному на эту должность в 1814 году, в самый год открытия Пансиона), улицы были старательно вычищены, снег собран правильными кучами по сторонам, и весь город имел, как и летом, ему собственно свойственный, правильный и опрятный вид...

...Представьте себе прогулки... молодёжи пешком в саду или по праздникам в саях по улицам или

окрестностям города, и вы поймёте, что и зима не менее других времён года имела для неё свою обволаживающую сторону и оставляла в ней самые приятные воспоминания. Менее простору и раздолья было внутри Пансиона зимой, нежели весной, летом и осенью, потому что большой двор и сад — были завалены снегом и туда воспитанников не пускали... Но и на маленьком дворике за недостатком большого можно было в зимнее время порезвиться, позабавиться снежками, а на замёрзшем прудке и покататься на коньках или без них...

...Пансион, только что отпраздновав начало зимы и день 12 декабря, вскоре видел себя уже накануне

не Рождества Христова и Святки, которыми собственно начинался его зимний сезон. На Рождественские святки не распускали всех без исключения по домам, но только некоторых, имевших родителей и семейства в Царском Селе, Петербурге и его окрестностях. Эти блаженные проводили праздники и Святки дома и возвращались после Крещения, все прочие же оставались в Пансионе и проводили Святки по-праздничному у родных и у знакомых семейств в Царском Селе.

После Крещения до Масленицы возобновлялось учение и обычный порядок с тою разницей, что в это время бывали иногда и в Пансионе по праздничным дням некоторые зимние увеселения, как, например, танцевальные вечера под музыку между воспитанниками в большой зале старших классов или у директора Пансиона, или у кого-либо из семейных профессоров или гувернёров, или наконец в некоторых домах и семействах Царского Села. Всех оригинальнее были, разумеется, танцевальные вечера в Пансионе между воспитанниками, хотя они

случались и не часто... А музыка была полковая, обыкновенно австрийская, т.е. Гренадерского Императора Австрийского полка, квартировавшего в Царском Селе, и который в Пансионе сокращённо называли австрийцами... Пансионские балы с австрийскою музыкою полковою очень живо походили на деревенские балы в «Евгении Онегине»...

Зимний сезон с его увеселениями завершился наконец Масленицей... В последнее, Прощальное Воскресенье на Масленице, к 9 часам вечера все воспитанники Пансиона, бывшие в отпуску, возвращались — и конец Масленице, а с нею и зимнему сезону, и с следующего же утра, в понедельник 1-й недели Великого поста начиналось говение воспитанников. Во всю эту неделю классов не было, а чай, обед и ужин для православных воспитанников были постные, для католиков же и лютеран — скоромные, почему православные садились в столовой на 4-х верхних столах, а католики и лютеране все вместе на 2-х нижних, младшие классы с младшими, а старшие со старшими.

3. Весна

(март — апрель — май)

*O primavera, gioventù dell'anno!
O gioventù, primavera della vita!
(O весна, юность года!
O юность, весна жизни!)
(Из итальянского стихотворения)*

9 марта, день 40 мучеников и начала весны по календарю! Прощай, зима, здравствуй, весна — юность года, расцвет и радость природы и Пансиона! И в нём обновляется жизнь, украшаемая веянием весны и мечтами о близких праздниках Пасхи и не очень далёком роспуске на летние вакации или каникулы, а кому и о совершенном выпуску из Пансиона!..

А тут глядишь, пролетели все средние недели Великого поста, прошло и Вербное воскресенье с молодыми вербами — и наступила Страстная неделя... Встрепенулся Пансион: домой, домой, at home, туда, где зреют не лимоны, а все радости семейные и столличные на Святой неделе. Прошли три первые дня Страстной недели, настал наконец четвёртый, Великий четверг — и как рой пчёл из родимого улья, ми-

гом разлетелись 2/3 Пансиона на все четыре стороны света, особенно на север — в град Св. Петра. Остались лишь иногородние, пришельцы дальних стран Великой, Малой, Белой и всех прочих России!..

...Долго ли длиться Святой неделе? Летит она ещё скорее, нежели время до неё — и вот уже Фомино воскресенье, и ввечеру пчёлки возвращаются в свой улей... Хромает ученье на Фоминой неделе — голова ещё слишком полна весельями скоро минувшей недели для того, чтобы в неё вмещалось, как следует, ученье. Но это продолжается недолго: прошла Фомина неделя — и всё опять втянулось в обычный порядок и пошло по-прежнему, тем более что впереди если ещё довольно далеко блаженные каникулы, то до них предстоит довольно дела и труда.

Нужно докончить учебные курсы, а там, благословясь, и за экзамены, переводные и особенно выпускной, публичный, а это что-нибудь да значило. Подобно тому, как на настоящем ипподроме рьяные ездоки и кони, чем ближе к цели, тем горячее рвутся к ней, так и в Пансионе — необходимо сугубо приложить труд к труду и старание к старанию, чтобы первым прийти к цели, либо перегнать, догнать или, по крайней мере, не отстать в хвосте. Это своего рода скачка с препятствиями, не только не имеющая ничего предосудительного, но и, напротив, составляющая одно из главных преимуществ общественного воспитания перед домашним. Состязание (конкуренция) в честных и благородных пределах — дело столь же похвальное, сколько и самый труд, к которому оно побуждает и поощряет.

С этой целью в виду уже заранее составляются более или менее свои кружки или артели, соединёнными силами работающие дружно, усердно и деятельно, даже за счёт ночного сна (с вставанием за 1, 2 и даже 3 часа), над повторением годичного курса и приготовлениям к экзаменам.

4. Лето

(ИЮНЬ И ИЮЛЬ)

На долю воспитанников Пансиона выпадал только июль с каникулами вне Пансиона; вторая же половина июня и август с 1-й половиной сентября проводились ими под сению Пансиона. В июле же на каникулах, под сению родного крова ни горячая температура лета, ни обилие мух, ни даже негрибовность его не в состоянии были ни на волос убавить счастья провести этот блаженный медовый месяц дома на воле. Недаром же к этому июлю стремились все самые жаркие, задушевные и сердечные желания пансионеров, малых и больших, от Фоминой недели до минуты роспуска включительно! Но эти желания, мечты и ожидания нисколько не вредили экзаменам, а,

И тут положительно можно сказать, что за исключением отпетых бездарностей и лентяев, все остальные воспитанники всех классов, особенно старших, серьёзно принимались за работу и трудились неусыпно и неустанно...

В мае в Царском Селе ежедневно ввечеру от 7 до 9 часов у главной дворцовой гауптвахты играла полковая музыка гренадерского Императора Австрийского полка или по-пансионски — австрийская, так как и караул бывал от того же полка. На эту музыку в светлые майские вечера собирались жители и жительницы Царского Села, в том числе и воспитанники Лицея и Пансиона с гувернёрами, и слушали музыку, собираясь вокруг хора музыкантов или прохаживаясь вдоль обширного дворцового двора. В 9 часов музыка оканчивалась зарёю с церемонией и вечернею молитвой, перед которой хор играл чудный гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». По окончании всего публика расходилась во все стороны, и лицеисты возвращались по близости в Лицей, а пансионеры через сад в Пансион к ужину. Эти прогулки на музыку были для них в своём роде праздником и приятным развлечением...

*О лето, лето голубое,
Мудакки обильно паке,
Толско тебе не любовлю,
Что не зрибовлю!*
В.К. Третьяковский

напротив, служили отличным поощрением к наилучшей сдаче их. Кому же не было приятно, воротясь домой, порадовать родных вестью о переводе в высший класс, а лучшим и с наградой — хорошей книгой, эстампом или похвальным свидетельством; выпускным же — о выпуске по 1-му разряду (X классом или в Старую гвардию) или, по крайней мере, по 2-му (XII классом или в молодую Гвардию). Не совсем же ловко было явиться домой оставленным в том же классе или выпущенным с чином XIV класса, либо офицером армии. Домашняя скорбь в последнем случае бывала сильнее домашней радости в первом, и каждый, если только не одолевала бездарность или

лень, рвался изо всех сил порадовать отца и мать, братьев и сестёр, родных и знакомых, и встретить их радостный, весёлый приём, поздравления и всякое ублажение. Каждый заранее знал, что вносил этим утешение и радость в свою семью — и удваивал старание, не щадил сил, чтобы не только не отстать, но, коли можно было, и перегнать, и стать из первых.

Настали, наконец, экзамены, и переводные, и выпускной публичный. Первые продолжались весь июнь месяц, последний же происходил и оканчивался большею частью в 1-й половине этого месяца. Во время экзаменов вообще внутренняя жизнь Пансиона несколько изменялась тем, что ни классов, ни особенных, по крайней мере, дальних прогулок на неделе уже не было, а вместо того были усиленные занятия по утрам, а в старших классах, особенно 6-м выпускном, и по вечерам, и даже за полночь для приготовления к экзаменам. По утрам и внизу, и вверху, в спальнях у входов и дверей почти везде виднелись условные знаки пробуждения дежурными дядьками за 1, 2 и даже 3 часа — полотенца, связанные в 1, 2 или 3 узла.

Со светлыми в июне вечерами и ночами, при открытых окнах, тёплом воздухе, зелени сада и окрестных полей и лесов уже в полной силе при раннем восходе солнца и прелести раннего июньского утра — эти утренние и вечерние, экстренные приготовления к экзаменам заключали в себе столько приятного, что заставляли легко переносить и лишение себя сна, и утомительный сидячий труд. Надежда успеха и затем — отдохновения, освежения сил, развлечения и удовольствия во время каникул одушевляла всех и каждого одинаково и восполняла собою и все лишения, и все труды. В переводных экзаменах, однако, это было легче, нежели в выпускном, потому что они были с промежутками, в которые можно было и отдохнуть, и размяться на воздухе прогулками или играми на пансионском поле. Кроме того, переводные экзамены были домашние в своих классах.

Но выпускные происходили почти ежедневно, без промежутков, по утрам в большой зале старших классов, в присутствии всего лицейского и пансионского начальства и публики — родителей, сродников, знакомых и, как говорится, любителей просвещения, приезжавших из Царского Села, Петербурга и иных мест. Для этого в глубине залы, возле 4-го класса, посреди стены ставилась большая учебная доска, по обе стороны её полукругом — одиночные классные скамейки, на которые садились выпускные воспитанники 6-го класса, а посреди залы, против доски — большой стол, крытый красным сукном, за ним в первом

ряду кресел восседали власти и почётнейшие посетители, а в следующих рядах остальные. Профессор экзаменуемого предмета садился сбоку возле учебной доски, если предмет требовал письма на ней, или же стоял, либо сидел сбоку возле экзаменаторского стола. Экзаменуемые, по назначению старшего председателевавшего, отвечали с места стоя по изученным вопросам или у доски, — а на экзамене из опытной физики — у аппаратов посреди залы. При этом, по некоторым вопросам, например, Закону Божию, русской и иностранной словесности, математическим, историческим и государственным наукам экзаменуемые читали собственного сочинения диссертации. Последним экзаменом большею частью бывал экзамен из опытной физики и химии, с опытами электричества, гальванизма, магнетизма и т.п. Этим заключался публичный выпускной экзамен, власти и посетители удалялись, а для выпускных — двери Пансиона развезались настежь, для выхода из него навсегда, на волю, на все четыре стороны и уж одних, без сопровождения гувернёра или дядьки!

Радость и ликование — безмерные! Шесть лет — а кому и более — пребывания в Пансионе со всеми его радостями и горем, всё исчезало в одном ощущении невыразимого счастья быть на свободе и ринуться в свет и его кипучую жизнь со всеми их столь заманчивыми и упоительными для молодёжи наслаждениями. Эта радость ослабляла неизбежное чувство скорби при прощании и разлуке с товарищами, остававшимися в Пансионе, с наставниками, воспитателями и даже с прислугой. Да и времени на это было немного: обыкновенно к последнему дню экзамена у выпускных всё уже было готово к немедленному отъезду из Пансиона — и все разъезжались из него в тот же день в разные стороны, большею частью в Петербург. Но случалось, что до того все, либо большая или меньшая часть выпускных, собирались где-нибудь в Царском Селе, в семействе одного из товарищей на обед, и уже после него разъезжались с тем, чтобы в следующем августе снова съехаться на акт, на котором провозглашались результаты выпуска и раздавались аттестаты и награды медалями или похвальными листами. В последний раз собравшись на акте, выпускные уже окончательно расставались и с Пансионом, и с его воспитанниками, и даже со многими сотоварищами по выпуску, с тем, чтобы может быть, никогда в жизни с ними более не встретиться! Но в эту минуту едва ли кто помышлял о вечной разлуке, и она приходила на ум и ложилась на сердце лишь гораздо позже, когда лета и опыт жизни всё более и более давали себя чувствовать.